

International Journal of Russian Studies

Uluslararası Rusya Araştırmaları Dergisi

ISSN: 1307 - 3419, Ankara - TÜRKİYE

Volume 3/2 July 2010 p. 36-44

www.radtr.net

К ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ РУССКИХ СЛОВ – II

ЮРИЙ ХРАМОВ*

Summary

In the article 'On the Etymology of Some Russian Words II' the author discusses the problem of etymologization of onomatopoeic words and analyzes Russian lexemes перепел 'quail' and крыса 'rat'. Russian перепел is interpreted as an onomatopoeic form *pelpel that is linked to a specific quail call. Russian крыса is seen as an expressive doublet to Slavic gryz-.

Key words: etymology, Russian language, Slavic languages, onomatopoeic words, etymologization of onomatopoeic words.

Звукоподражания, междометия, слова, выражающие экспрессию, на наш взгляд, до сих пор не получили должного внимания в историческом языкознании. Зачастую отсутствует конкретика в плане этимологизации слов этой группы и сохраняется представление об их периферийной ценности[1]. Наша статья посвящена двум лексемам, этимологический анализ которых в разной степени связан с ономотопеей как таковой.

1. Русск. перепел по происхождению – ономотопозитическая форма через ступень редупликации: *pelpel (см. русск. диал. пелпел /СРНГ, 25, 1990: 328-329/). Проблема

---

* ЮРИЙ ХРАМОВ (Рединг, Великобритания)

состоит в том, каким образом появилось это звукоподражание. Находим у Ю. Покорного: к и.-е. корню **rel-* ‘летать, порхать, дрожать, плавать и др.’ восходят балт.-слав. слова для перепела – лит. *pièpala*, лтш. *paipala*, чешск. *přepel*, *křepel* и др. (Pokorný 1959: 798, 801). В.И. Шерцль[2] пишет: «Названия п е р е п е л а часто выражаются посредством оноματοпоического изображения перепелиного крика, с соблюдением свойственного ему дактиля: лит. *putpela*, *putperle*, персидск. *kerkerek*, сардинск. *círcurì*, среднелат. *quaquara*, среднеголландск. *quakele*, казанск. *bytbydyq*, венгерск. *pittypalatty* (произносится пить – полоть), перуанск. *rukruka*, нубийск. *furfures*, зырянск. *kvaitpalìš*, австралийск. (аделаек.) *kurkintja*, эстонск. *tutpelup*, волофск. *pikerik*, эфиопск. *phorphorath*. <...> В лат. *coturnix* и нем. *Wachtel* ‘перепел’ трудно усмотреть оноματοпоическое происхождение; тем не менее, оба слова звукоподражательны и состоят кроме того между собою в родственной связи. Нем. *Wachtel* возводится к древнему *quahtila*, примыкающему в свою очередь к среднелат. *quaquadra*, тогда как *coturnix* изменено из звукоподражательного *quocturnix*» (Шерцль 1885-1889: 172). Об этимологии перепел и обсуждаемых нами форм см. также (Фасмер www.indo-european.nl; Wade 2002: 153; Machek 1968: 299-300; Skok 1973, 3: 34-35; Черных 1999, 2: 21; ЕСУМ 2003, 4: 344-345; ЭСБМ 2004, 9: 67-68; БЕР 1999, 5: 662; Brückner 1985: 443; Schuster-Šewc 1985, 15: 1110; Miklosich 1886: 243; Suolahti 1909: 259-263; Kluge 1989: 771).

Итак, по какому признаку назван перепел: по своему особому крику или по тому звуку, который производят крылья птицы[3]?

В свое время мы использовали факт исторической фиксации одного из значений лексемы **ščen-* и типологический критерий в качестве методики определения более адекватного этимологического решения (Храмов 2003). На наш взгляд, в случае этимологизации слов со значением ‘перепел’ нужно идти тем же путем. Хорошей иллюстрацией здесь является нем. *Wachtel* и фрнц. *caille* ‘перепел’. В историко-этимологических словарях немецкого и французского языков о значении данных лексем читаем следующее: “Lt. *coturnix* ‘Wachtel’ ist im gallorum. früh fast ganz veschwunden. An seine stelle traten wortbildungen, die den schall des wachtelrufes nachahmten <...>” (Wartburg 1945: 1388). “In zahlreichen herkömmlichen wendungen wird auf die wachtel, ihren schlag, ihr

aussehen u. s. w. angespielt, die wachtel verräth sich durch ihren schlag” (Grimm, 13, 1922: 175), т.е. исторически фиксируется только тот факт, что перепел вавакает[4] (СРНГ, 4, 1969: 7) или, как говорят немцы, schlägt. Разумеется, можно думать о том, что значение ‘бить, ударять крыльями’ просто не отражено в памятниках письменности. Однако такой абстрактный семантический концепт, какой, например, демонстрирует словарь Ю. Покорного все же настораживает. Конечно, не исключена возможность более позднего развития значения ‘schlägt’ у перепел. Это вероятно еще по причине наличия у *pepел двух значений: ‘бабочка’ и ‘перепел’. Бабочка восходит к тому же корню и называется по признаку ‘ударять крыльями’ (Храмов 2009), а перепел через ступень раннего значения, что труднее доказать[5], в дальнейшем получает новую мотивацию.

2. Этимология русск. крыса до настоящего времени вызывает споры и разногласия в исследовательской среде. Как утверждал еще М. Фасмер, «ни одно из существующих толкований не достоверно» (Фасмер www.indo-european.nl). Из большого количества предлагаемых заимствований и гипотез, построенных на основе собственно славянского (русского) языкового материала[6], на наш взгляд, выделяется интерпретация крыса как глухого, экспрессивного дублета к слав. gryz-.

То, что крыса – грызун, не подвергается сомнению. Типологически русск. крыса сопоставимо, например, с англ. rat ‘крыса’, объясняемым как ‘грызун’ (Pokorny 1959: 854; Watkins 2000: 70). Фонетические сложности данной этимологии снимаются, если иметь в виду экспрессивный характер рассматриваемого слова. Яркий пример из СРНГ (правда, не прокомментированный авторами) помогает нам увидеть саму возможность толкования крыса как экспрессивного преобразования: «Крыза ты, грыза, боровая ты грыза, грызи ты, грыза, пенья, коренья и серое камень» (Заклинание). Валд. Новг., Майков (СРНГ 15, 1979: 340). Звукоподражания при номинации крыс известны: русск. диал., укр. пацюк ‘поросенок, крыса’ – ономатопоэтическое образование (Фасмер). Случаи различных фонетических трансформаций, сопровождаемых экспрессией, коннотацией, не являются чем-то из ряда вон выходящими: см. вышеприведенное чешск. přepel и křepel или нашу статью об истории др.-русск. гричь ‘собака’, связанного с современным хрыч (Храмов 1999)[7].

Итак, этимологический анализ немислим без фонетической, исторической и любой другой конкретизации лексического материала как незвукоподражательной, так и звукоподражательной природы.

Библиография

- БЕР – *Български етимологичен речник*. Т. 5. София, 1999.
- Даль, В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка*. 2-е изд. Т. I-IV. Москва, 1955.
- ЕСУМ – *Етимологічний словник української мови*. Т. 1-7. Київ, 1982-
- СД – *Славянские древности. Этнолингвистический словарь под ред. Н.И. Толстого*. Т. 3. Москва, 2004.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*. Москва/ Ленинград/ Санкт-Петербург, 1965-
- Фасмер, М., ‘Этимологический словарь русского языка’ www.indo-european.nl
- Храмов, Ю., ‘Этимология древнерусского *гричь* и его история’, *Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов. Вып. 6. Секция грамматики (русско-славянский цикл). 15-22 марта 1999 г.* Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999, часть 2, 33-36.
- Храмов, Ю., ‘О роли историко-семасиологического и типологического анализа в этимологических исследованиях’, *Acta Baltico-Slavica*, 2003, Bd. XXVII, 23-31.
- Храмов, Ю., ‘О семасиологических исследованиях В.И. Шерцля (1843-1906): к 100-летию со дня смерти ученого’, *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*, Roč. 75 (2006), Seš. 4, 401-406.
- Храмов, Ю., ‘К этимологии некоторых русских слов – I’, *International Journal of Russian Studies*, 2009, № 2/2 www.radtr.net
- Черных, П.Я., *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. I-II. Москва, 1999.
- Шерцль, В.И., ‘Основные элементы языка и начала его развития’, *Филологические записки*, 1885-1889.
- ЭСБМ – *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 9. Мінск, 2004.

-
- Beekes, R.S.P., *Comparative Indo-European Linguistics: An Introduction*. Amsterdam/Philadelphia, 1995.
- Brückner, A., *Słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 1985.
- Grimm, J., Grimm, W., *Deutsches Wörterbuch*. Bd. I-XXXII. Leipzig, 1854-1954.
- Kluge, F., *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. 22 Aufl. Berlin, New York, 1989.
- Machek, V., *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha, 1968.
- Mallory, J.P., Adams, D.Q., *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World*. Oxford, 2007.
- Miklosich, F., *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien, 1886.
- Mucke, E., *Wörterbuch der nieder-wendischen Sprache und ihrer Dialekte*. Bd. II. Praha, 1928.
- Pokorny, J., *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern/ München, 1959.
- Rudnyckyj, J.B., *An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language*. 2 voll. Winnipeg, 1962-1982.
- Schuster-Šewc, H., *Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache*. Lief. 15. Bautzen, 1985.
- Skok, P., *Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika*. T. 3. Zagreb, 1973.
- Suolahti, H., *Die deutschen Vogelnamen: Eine wortgeschichtliche Untersuchung*. Strassburg, 1909.
- Wade, T., *Russian Etymological Dictionary*. Bristol, 2002.
- Walde, A., *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*. Herausgegeben und bearbeitet von **J. Pokorny**. Bd. I-III. Berlin, Leipzig, 1927-1932.
- Wartburg, W., *Französisches Etymologisches Wörterbuch*. Lief. 37, Bd. II, 2 Halbband. Basel, 1945.
- Watkins, C., *The American Heritage Dictionary of Indo-European Roots*. 2nd ed. Boston, New York, 2000.

СОКРАЩЕНИЯ

диал. – диалектный
 ср. – сравни
 см. – смотри

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

австралийск. – австралийский	нем. – немецкий
аделайск. – аделайский	н.-луж. – нижнелужицкий
англ. – английский	нубийск. – нубийский
балт.-слав. – балто-славянский	персидск. – персидский
болг. – болгарский	перуанск. – перуанский
венгерск. – венгерский	русск. – русский
в.-луж. – верхнелужицкий	сардинск. – сардинский
волофск. – волофский	слав. – славянский
греч. – греческий	словен. – словенский
др.-инд. – древнеиндийский	слвц. – словацкий
др.-русск. – древнерусский	среднеголландск. – среднеголландский
зырянск. – зырянский	среднелат. – среднелатинский
и.-е. – индоевропейский	укр. – украинский
казанск. – казанский	фрнц. – французский
лат. – латинский	чешск. – чешский
лтш. – латышский	эстонск. – эстонский
лит. – литовский	эфиопск. – эфиопский
мак. – македонский	

^[1] Отчасти это объясняется, как мы считаем, асистемной природой оноματοпоэтических форм, то есть принципиальной невозможностью использовать звукоподражания в некоторых лингвистических построениях: у Ю. Покорного, например, звукоподражания с *kh- (русск. *хохотать* и др.) не аргумент в пользу наличия самого *kh- (tenuis aspirata /TA/) в и.-е. (Pokorny 1959: 634). Подобный подход в отношении проблемы TA демонстрируют и современные работы по индоевропеистике (Beekes 1995: 131-132).

^[2] О значении работ В.И. Шерцля в историческом языкознании см. (Храмов 2006).

^[1] Третья гипотеза (связь *перепел* с и.-е. корнем **per-* ‘летать’ /откуда русск. *перо*/ [БЕР 1999, 5: 662]) не пользуется популярностью среди этимологов и в конечном счете, особенно если учитывать звукоподражательную природу лексемы, может рассматриваться как модификация и.-е. корня **pel-* с тем же значением (можно поспорить с Ю. Покорным, разделяющим эти два корня [Pokorny 1959: 798, 801, 816, 850]).

^[2] См. также на диалектные формы, связанные с обозначением перепела по его крику: *вавака* ‘плохо поющий перепел’, *вавакалка* ‘перепел’ от *вавакать* ‘издавать хриплые звуки *ва-ва*’ (СРНГ, 4, 1969: 7). О перепеле можно сказать *перепелить* (СРНГ, 26, 1991: 182), что сопоставимо с такими параллелями, как *кукушка кукует*, *петух поет* и т.п. (с богатым и.-е. материалом ср. у Mallory and Adams 2007: 143-145). Здесь же будет уместно представить многочисленные оноματοпоэтические выражения для перепелиного крика, адаптированного людьми к своему языку: *dic-cur-hic* (у римлян), *wack-di-wack*, *tritt-mi-nit*, *bück-den-gück* (в Германии), *weet-my-fit* (в Шотландии), *рёт ренёж*, *pod pole* (в Чехии) и пр. (Шерцль 1885-1889: 172) /обратите внимание на адаптацию перепелиного крика в чешск. и чешск. форму *рёрел* ‘перепел’/. Аргумент П.Я. Черных против отражения в названии перепела крика птицы потому, что якобы форма *reipel не имеет ничего общего с описанным Аксаковым *ваваканием* («Сначала перепел *вавачет*, т.е. кричит похуже на слоги *ва-вва́, ва-вва́*... После чего следует собственно *бой*, похожий на слова *подь-полоть*» /СС, IV, 369/) [Черных 1999, 2: 21], нам представляется несостоятельным. Во-первых, в разных языках петух будет кукарекать по-разному, так же и перепел по-разному *вавакает* в разных языках: н.-луж. перепел *раśpula* *вавакает* *ра ра ра* [Mucke 1928, 2: 28], а по данным поляка Соколовского, перепел издает звуки *pit-pi-lit* (Sokołowski, Ptaki ziem polskich II, S. 126, Warszawa 1972) [Schuster-Šewc 1985, 15: 1110]. Во-вторых, учитывая обилие вариантов среди славянских обозначений перепела (см., например, в.-луж. *росpula*, словен. диал. *ródprda*, мак. *потполошка* [Schuster-Šewc 1985, 15: 1110], болг. *пѣдпѣдък*, болг. диал. *феферица* [БЕР 1999, 5: 662], чешск. *кёрел* и др.), придавать реальному перепелиному крику столь большое значение едва ли методологически корректно, скорее, нужно ставить вопрос о различных способах адаптации *вавакания* и уже на этом основании рассуждать, соответствует ли номинация адаптированной форме или она вторично преобразована, как, например, в случае болг. диал. *феферица*.

^[51] Большой интерес вызывает слвц. *prerelica* ‘перепел’ и ‘бабочка’ (Pokorny 1959: 801). Перепелка, по словам С.Т. Аксакова, «не только бегаёт проворно, но и летает очень быстро» («Записки ружейного охотника», СС, IV, 369) [Черных 1999, 2: 21]. Отражение же в русск. диал. *вавакать* ‘кричать перепелом’ семы ‘сильно ударить’ (Даль 1, 1955: 159) хорошо объясняется аналогией в нем.: *schlagen* ‘бить, ударить’ и, наряду с другими значениями, ‘отбивать такт’, отсюда значение ‘vom gesange der singvögel’, иллюстративный материал см. в: Grimm, 9, 1894: 410. Номинация перепела по признаку ‘бить, ударять крыльями’ может быть типологически сближена с индо-греческой изоглоссой *wortok^w- (греч. *órtuks*, др.-инд. *vartaka-*) (Mallory and Adams 2007: 145) или **ǵortoko-* ‘перепел’ (Pokorny 1959: 1180), если будет обосновано ее родство с и.-е. **ǵert-* ‘вращать’ (Walde, Pokorny 1930: 316).

^[61] Дополнительно см. у (Черных 1999, 1: 448; Wade 2002: 101; ЕСУМ 1989, 3: 94; Machek 1968: 298).

^[71] Исторические данные, как, хотелось бы верить, показывает наша заметка о русск. *перепел*, в известной степени помогают в толковании того или иного слова. Так, в словаре П.Я. Черных о *крысе* читаем: «Слово крыса известно в русском языке с 17 в. Пожалуй, самым ранним примером употребления этого слова может служить записанное Р. Джемсом на Севере (РАС, 1618-1619 гг., 7: 3): *cris* – ‘a rat’. Встречается также в словаре Лудольфа в «Рус. гр.», 1696 г. (90): *крысь* (причем читать можно и *крысь*, поскольку Лудольф обычно вместо *ь* на конце слов пишет *ъ*, напр., *гусъ* вм. *гусь* и т.д.). Значение Лудольф определяет по-немецки *Ratte* («крыса»), но по-латински *glis*, что значит собст. не ‘крыса’, а ‘соня’ (грызун, по зоологическим данным более близкий к белке). В форме *крыса* впервые отм. Вейсман, 1731 г. (486)» [Черных 1999, 1: 448]. Во-первых, здесь важен тот факт, что первоначально *крыса* соотносится с *грызун*, *грызть*, во-вторых, первая фиксация данного слова, представленная в виде *крысь*, а не *крыса*, возможно, отражает процесс падения редуцированных с дальнейшей ассимиляцией согласных в конце и в начале слова (*гры-зь > *грыс > *крыс /хорошей параллелью для преобразования согласных в начале слова служит пример генетически связанных русск. *брызгать*, укр. *бризкати* и русск. *прыскать*, укр. *прискати*, см. еще чередующиеся *з/к* в русск. *груша* и болг. *круша* [Rudnyckij 1982, 2: 932; Фасмер www.indo-european.nl/]) и делает саму

попытку нашей реконструкции более обоснованной. Переход *крыс > крыса может объясняться воздействием форм *поганка*, *гадина*, обозначающих гадов, к которым в народном сознании относились мышь и крыса как нечистые животные [СД 2004, 3: 347].